

УДК 821.134.2-31(82)
ББК 84(7Apr)-44
К69

Серия «Зарубежная классика»

Julio Cortázar
EL EXAMEN
DIVERTIMENTO

Перевод с испанского
Л. Синянской («Экзамен»), *В. Правосудова* («Дивертисмент»)

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Кортасар, Хулио.

К69 Экзамен. Дивертисмент : [сборник] / Хулио Кортасар ;
[пер. с исп. Л. Синянской, В. Правосудова]. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-112576-9

В предлагаемый сборник включены два ранних произведения Кор-
тасара, «Экзамен» и «Дивертисмент», написанные им, когда он был еще
в поисках своего литературного стиля. Однако и в них уже чувствуется
настроение, которое сам он называл «буэнос-айресской грустью», и та
неуловимая зыбкая музыка слова и ощущение интеллектуальной игры
с читателем, которые впоследствии стали характерной чертой его не-
подражаемой прозы.

УДК 821.134.2-31(82)
ББК 84(7Apr)-44

ISBN 978-5-17-112576-9

© Heirs of Julio Cortázar, 1950, 1986
© Перевод. Л. Синянская, наследники, 2018
© Перевод. В. Правосудов, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Экзамен

Я написал «Экзамен» в середине 40-х годов в Буэнос-Айресе, где воображению не нужно было много добавлять к исторической реальности, чтобы получить то, о чем читатель узнает из книги.

В те времена опубликовать книгу было невозможно, и ее прочли лишь некоторые мои друзья. Впоследствии, находясь уже вдали от тех мест, я узнал, что мои друзья в некоторых эпизодах книги увидели предвестье событий, ознаменовавших наши 1952 и 1953 годы. Я не ощутил счастья от того, что угадал в этой нашей некрологической лотерее. Это было слишком легко: аргентинское будущее так упорно вытекает из настоящего, что предсказывание грядущих событий не требует от предсказателя особых дарований.

Я публикую это старое повествование потому, что мне, не взирая ни на что, нравится его свободный язык, сюжет без поучений, его особая, буэнос-айресская грусть, и еще потому, что кошмар, которым оно было рождено, по сей день жив и бродит по улицам города.

Хулио Кортасар

I

«Il y a terriblement d'annees, je m'en allais chasser la gibier d'eau dans les marais de l'Ouest, — et comme il n'y avait pas alors de chemins de fer dans le pays où il me fallait voyager, je prenais la diligence»*.

«Удачи тебе и — побольше куропаток», — подумала Клара, отходя от двери в аудиторию. Голоса Чтеца уже не было слышно; изумительно изолированы залы в Заведении: стоит отойти на два шага — и сразу погружаешься в чуть жужжащую тишину галереи. Клара пошла было к лестнице, но в нерешительности остановилась у входа в коридор. Сюда отчетливо доносился голос Чтеца из секции А: современный английский роман. Но едва ли Хуан в одном из этих залов. «Беда в том, что с ним никогда ничего не известно», — подумала Клара. И все-таки решила пойти и посмотреть; яростно зажав под мышкой папку с записями, свернула налево, хотя с таким же успехом могла пойти и в противоположном направлении. «Was there a husband?» — «Yes. Husband died of anthrax». — «Anthrax?» — «Yes, there were a lot of cheap shaving brushes on the market just then...** —

Неплохо бы остановиться на секундочку и посмотреть, может, Хуан...

* «Много лет тому назад я собрался на охоту за дичью в область западных озер, и так как в том краю, куда я направлялся, не было железных дорог, я нанял дилижанс» (франц.).

** «У вас был муж?» — «Да. Он умер от чумы». — «От чумы?» — «Да, тогда в продаже появилось много дешевых кисточек для бритья... (англ.).

...some of them infected. There was a regular scandal about it». — «Convenient», — suggested Poirot*. Но его не было. Уже без четверти восемь, а Хуан сказал, что придет в половине восьмого. Такой балда. Сидит, наверное, в какой-нибудь аудитории среди паразитов, завсегдатаев Заведения, сидит и слушает не слыша. В прошлые разы они встречались внизу, у лестницы, но, может, Хуану почему-то пришло в голову подняться этажом выше. «Какой балда. Если только он не опоздал, если только...» В прошлые разы опаздывала она. «Ну-ка, сходим на ту галерею, наверняка он застрял там».

«...Dans les mélodies nous l'avons vu, les emprunts et les échanges s'effectuent très souvent par»**. Нет, и там его не было. «Хороший голос у этого Чтеца», — подумала Клара, останавливаясь у двери. Аудитория была ярко освещена, и отчетливо видна табличка с названием книги: «Le Livre des Chansons, ou Introduction à la Chanson Populaire Française (Henri Davenson)***. Глава II. Чтец — сеньор Роберто Чавес». «Это, верно, тот, что в прошлом году читал Лабрюйера», — подумала Клара. Голос легкий, без нажима, прекрасно выдерживал все пять часов чтения. Чтец сделал паузу, и тишина рассыпалась, как полная ложка тапиоки. По длительности паузы слушатели понимали, где точка, где абзац, а где подстрочное примечание. «Подстрочное примечание», — решила Клара. Чтец прочитал: «Voir là-dessus la seconde partie de la thèse de С. Brouwer “Das Volklied in Deutschland, Frankreich...”»**** «Хороший Чтец, из лучших. Я бы не смогла читать, я все время отвлекаюсь, а потом начинаю гнать во весь опор». Да еще нервная зевота, когда читаешь вслух; ей вспомнилось, как в пятом классе сеньорита Капелью заставляла ее читать куски из «Марианелы». Первые страницы шли хорошо, а потом напала зевота, и удущье медленно поднималось к горлу, ко рту, а сеньорита Капе-

* ...некоторые из них были заражены. Разразился настоящий скандал на этой почве». — «Убедительно», — согласился Пуаро (*англ.*).

** «Как мы убедились, заимствования и подмены в мелодиях случаются достаточно часто» (*франц.*).

*** «Книга песен, или Введение к французской народной песне (Анри Давансон)» (*франц.*).

**** «Смотри вторую часть работы К. Брауэра “Народные песни в Германии, Франции...”» (*франц., нем.*).

ль с ангельским личиком слушала в восторге, и вдруг — вынужденная пауза, чтобы подавить зевоту (ей показалось: она вот-вот зевнет и передаст свою зевоту Чтецу, бедняга, какая жалость), — и опять читаешь, пока зевота не одолеет, нет, конечно, она бы Заведению не подошла ни в коем случае. «Вон он, Хуан, — подумала Клара. — Идет спокойно, в облаках витает, как всегда».

Но это был не он, просто кто-то похожий. Клара разозлилась и направилась в противоположный конец галереи, там ничего не читали, там пахло кофе, сваренным Рамиро. « Попрошу у Рамиро чашечку, чтобы злость прошла». Было неприятно, что она спутала Хуана с другим. Толстуха Эрлик сказала бы: «Поняла? Это штучки Гештальтской школы: даны три линии, и в воображении завершаешь квадрат. Дано: тело, более или менее худошавое, каштановые волосы, походка праздного портеню, — и на тебе: Хуан». Гештальтской школе можно... Рамиро, Рамиро, вот бы мне сейчас чашечку твоего кофе, да только кофе — это для Чтецов и для доктора Менты. Кофе плюс чтение текстов: Заведение. А времени — без четверти восемь.

Две девушки выскочили из аудитории. На бегу перекинулись фразой и, не замечая Клары, бросились к лестнице. «Мчатся слушать очередную главу из очередной книги. Все равно, что крутить радио: танго — и сразу “Лоэнгрин” — рынок — холодильники — Элла Фитцджеральд... Заведение должно было бы запрещать подобную всеядность. Сперва хорошенько усвойте одно, дорогие слушатели, и не беритесь за Стендаля, пока не закончите “Зогоиби”. Но в Заведении распоряжается доктор Мента, слуга культуры. Читайте книги — и обретете себя. Верьте печатному слову, верьте голосу Чтеца. Воспримите духовный хлеб. Эти две способны слушать и русский роман у Менты, и испанские стихи, которые так звучно читает сеньорита Родригес. Они глотают все подряд, не прожевав, а выскочив из аудитории, съедят бутерброд в здешней закускойной, чтобы не терять времени, и помчатся в кино или на концерт. Они — культурные, они — начитанные. Я в жизни навидалась педантизма, по горло сыта...» У этих девушек бесполезно спрашивать, что они думают о происходящем в городе, в провинциях, в стране, в этом полушарии и на нашей ма-

тушке-земле. Сведения — какие душе угодно: Архимед — знаменитый математик, Лоренцо Медичи — сын Джованни, «Кот в сапогах» — восхитительная сказка Перро и так далее... Она снова оказалась на первой галерее. Некоторые двери закрыты, жужжащая тишина, голос Чтеца. «“Les Temps Modernes”, № 50, декабрь 1949. Чтец — сеньор Осман Каравацци». «Надо бы послушать чтение журналов, — подумала Клара. — Наверное, занятно, темы мелькают одна за другой, как в непрерывном киносеансе: все начинается в тот момент, когда вы входите». Она почувствовала, что устала, и пошла туда, где галерея выходила во двор. Уже зажглись звезды и фонари. Клара села на холодную скамью и искала шоколадку «Долка» с орехами. Сверху, из окна, доносился сухой и отчетливый голос. Мойяно, а может, доктор Бергман, который за три года прочитал всего Бальзака. Если только не Бустаманте... А на третьем этаже, наверное, гнусавая доктор Вольф гнусавит своего Вольфганга Гете и малышка Мэри Роббинс заливается-читает Найджела Болчина. Клара почувствовала, что от шоколада смягчилась и уже не злится на мужа; ее не разозлили и большие часы на углу, пробившие восемь. По сути, виновата она сама, что пришла сюда, в Заведение, — едва ли Хуана действительно интересовало чтение. В пору, когда вести интересные курсы или читать оригинальные лекции трудно, цель Заведения — не дать хлебу духовному остыть. На самом же деле оно годилось на то, чтобы встретиться тут с другом и поболтать вполголоса, одновременно осуществляя роскошную программу практических занятий, составленную доктором Ментой и деканом Факультета. «Ну, конечно, доктор, молодость есть молодость, дома они ничего не учат. А мы заставляем их слушать произведения литературы в исполнении наших первокурсных Чтецов (у них профессорское жалованье, гребут кучу денег); слово, хочешь не хочешь, доходит, разве не так, доктор Мента?» Доктор Мента... Если я стану повторять все их хитроумные уловки, то и сама в конце концов уверую в Заведение. Лучше дожевать шоколадку. Что там ни говори, а Заведение не так уж плохо; под предлогом распространения мировой культуры доктор Мента устроил сюда десятки Чтецов, и Чтецы читали, а девушки слушали (главным образом девуш-

ки, они всегда прилежные ученицы и аккуратно выполняют программу практических занятий), что-нибудь от всего этого да останется, но лучше, если не Найджел Болчин.

— Завтра вечером, — сказал Хуан, — решающий экзамен, испытание. Ну, конечно, пообедаем. И на концерт пойдем, разумеется. Экзамен поздно вечером, времени хватит на все.

Едва он повесил трубку, злясь, что было плохо слышно и что уже так поздно, как тут же увидел Абеля: тот вошел в бар через дверь, выходящую на улицу Карлоса Пеллигрини. Абель был в синем костюме, страшно бледный и худой и, как всегда, не смотрел ни на кого, а двигался бочком, точно краб, обходя скорее не столы, а лица.

— Абель, — прошептал Хуан, облокочиваясь на стойку. — Абелито!

Но Абель сел в углу, не видя его, а может, не желая видеть, и уставился в стену. Хуан глотнул кофе. Он заказал кофе не потому, что хотелось, а по привычке. Ему не нравилось звонить по телефону из бара, не заказав прежде чего-нибудь. Со спины Абель казался еще более худым и точно придавленным непосильной ношей. Сколько времени прошло с тех пор, как они виделись, — тогда у Абеля не было этого синего костюма. «При деньгах», — подумал Хуан. Куда естественней было бы им с Абелем поздороваться, пусть даже издали, даже не пожимая рук. Между ними никогда не было раздора, какой может быть с Абелем раздор. Он смутно припомнил соплячек, которые появлялись у них в ванной комнате, когда он, студент, поздно возвращался домой. Бедный Абелито, действительно, это чересчур — спрашивать с него... Он глотнул тепловатого и слишком сладкого кофе и любовно оглядел пакет с цветной капустой. Войдя в бар, он сразу же положил пакет на стойку около телефона, чтобы никому не пришлось в голову облокотиться или опереться на него рукой. Какой-то блондин в рубашке без пиджака кричал в телефонную трубку. Хуан еще раз глянул на Абеля, сидевшего в другом конце кафе, заплатил и вышел, с осторожностью неся пакет с цветной капустой.

Он пошел по Кангальо, стараясь не наткнуться на спешивших прохожих. Было жарко и многолюдно. Кафе на углах ломались от посетителей. «Какого черта они сидят допоздна? —

подумал Хуан. — Какие жизни, какие смерти вынашивают тут? А сам я какого черта оставил в Заведении? Подойти бы к Абелю и спросить напрямик, почему у него такое опрокинутое лицо...» У него сразу, как только увидел Абеля, мелькнуло подозрение, что Абелито... Да нет, просто Абелито никому не нравился — еще одна причина, почему Абелито попадает к нему в кафе. Бедный Абель, такой одинокий и все чего-то ищет, ищет.

«Если бы он действительно искал, он бы нас давно нашел», — подумал Хуан.

Он пересек улицу Свободы, потом Галькауано. По четвергам Заведение было освещено особенно ярко. Ни одна аудитория не простаивает. В один поток вместо тысячи слушателей набивают шесть. Вот, наверное, Мента жалеет, что не заполучил своего Кэванаха. Сидит там, в своем кабинете, в темно-синем или черном костюме, просматривает счета, благожелательно принимает посетителей: мы полагаем, что следует повторить курсы Достоевского и Рикардо Гуиральдеса. Слишком много времени уходит на журналы Центральной Америки. Когда откроется фильмотека? Доктор Мента сожалеет, но 31-я аудитория на шесть недель отдается Пересу Гальдосу. «Нелегко руководить Заведением», — подумал Хуан. Он взбежал по лестнице, перемахивая через две ступеньки, и чуть не столкнулся с курносый Гомесом, который мчался по лестнице вниз.

— Скажи честно — рвешь когти от полиции?

— Хуже — от толстухи Маерс, — сказал курносый. — Если меня сцапает, начнет распространяться про теорию Дарвина и поведение антропоидов.

— Мамочка родная, — сказал Хуан.

— Или про свое семейство — о родственниках, о сестре, которая живет в Рамос Мехиа. Ну, пока. У тебя все в порядке?

— В порядке. А у тебя?

— У меня —

сказал курносый и мрачно удалился.

Хуан прошел через галерею во дворик, где — конечно же — находилась — разъяренная — Клара. Он подошел к ней сзади и пощекотал.

— Ненавижу, — сказала Клара, протягивая ему оставшийся кусок шоколадки.

— От тебя пахнет днем рождения. Подвинься, я сяду. Ты похожа на жертву, на подопытное животное. Доктор Мента сожалеет.

— Негодяй.

— И одариваешь меня благодатью, какой дарят родники и холмы.

— Уже двадцать минут девятого.

— Да, время бежит и утекает сквозь пальцы.

*Время подобно ребенку,
ведомому за руку:
смотрит назад...*

Это хайку я написал два года назад, представь себе... Клара, в этом пакете — чудесный цветной кочан.

— Ешь его сам, а не хочешь — сблюй. И кроме того, говорят: не цветной кочан, а цветная капуста.

— Этот кочан — не для того, чтобы есть, — пояснил Хуан. — А для того, чтобы носить его в пакете и время от времени восхищаться им. Я полагаю, что сейчас самый момент, чтобы восхититься цветным кочаном. А потому...

— Я бы предпочла вовсе не видеть твоей капусты, — сказала Клара гордо.

— Ну, взгляни хоть одним глазком, просто для знакомства. Я отдал за него два девяносто на рынке «Дель Плата». Я не мог устоять перед его красотой, вошел в лавочку, и мне его завернули. Он прекраснее, чем фламинго, а ты знаешь, что я... Ну, посмотри...

— Замечательная капуста, я и так вижу, не разворачивай, пожалуйста.

— Он похож на глаз насекомого, увеличенный в тысячи раз, — сказал Хуан, проводя пальцем по плотной сероватой поверхности. — Подумай только, ведь это цветок, огромный цветок капусты, цветной кочан. Че, да он похож еще и на растительный мозг. О цветной кочан, какие в тебе мысли?

— Поэтому ты и опоздал?

— Да. А еще я звонил твоему отцу, он приглашает нас завтра на обед; и еще я смотрел на Абея.

— Умеешь терять время, — сказала Клара. — Абель, папа... Нет, уж лучше цветная капуста.

— И еще я надеялся, что ты простишь меня, — сказал Хуан. — Не говоря уже о том, что мы как раз успели, чтобы немного послушать Мойяно. Как он ласкает голосом! Наверное, может довести до оргазма и по телефону.

— Балда.

— Да, конечно. Но этот тип читает с таким совершенством, что абсолютно неважным становится сам текст. Мне нравятся три блондиночки, которые сидят в первом ряду и пожирают его глазами. Бедный радиокавалер. Погоди, я заверну кочан как следует, а то как бы не испортить это цветочудо, этот цельнолитой цветной кочан, эту грандиозную цветосилу, этот цветосмысл.

Слева, из аудитории, находившейся в начале галереи, доносилась словно молитва, приглушенная стеклянной дверью. «Бальмеса читают, — подумала Клара, — или Хавьера де Виану».

Двое молодых людей вбежали, разъединились, чтобы прочитать объявления на дверях, обменялись сердитыми знаками. Бац! И без колебаний — на «Волчий романс», читает Галиано Сифредди. Парень в больших очках прилежно читал девиз Заведения, золотыми буквами выведенный на стене:

«L'art de la lecture doit laisser l'imagination
de l'auditeur, sinon tout à fait tigre, du
moins pouvant croire à sa liberté».

*Stendhal**

(Однако никто не догадывался, что фраза эта принадлежала Андре Жиду, а доктору Менте ее продали за стендалевскую.)

«Главное — сколотить набор апокрифических идей, — подумала Клара. — Заставить знаменитость произнести то, что она должна была произнести, но не произнесла: приладить ко времени, вложить в уста Цезаря то, что долженствует исходить из уст Цезаря, даже пусть это было сказано Фридрихом II или Иригойеном...»

* «Искусство чтения должно оставлять воображению слушателя если не полную свободу, то по крайней мере возможность верить в свою свободу». *Стендаль (франц.)*.